

КОТУРСКОЕ УЩЕЛЬЕ.

(Окончаніе). ¹⁾

ыло уже около 12-ти часовъ дня. Мы обогнали нѣсколькихъ пѣшихъ курдовъ и встрѣтили трехъ конныхъ. Конные курды остановились и привѣтствовали насъ по-турецки: «Селямъ айлекюмъ эффенди!»

— Селямъ айлекюмъ.

«Куда ѣдете?»

— Въ Котуръ.

«Вѣдь вы—русскіе офицеры?»

— Да.

«А гдѣ же вашъ конвой, казаки?»

— У насъ конвоя нѣтъ.

¹⁾ См. «Воен. Сб.» № 11.

«Гдѣ же тогда ваши ружья?»

— Русскіе офицеры не берутъ съ собой на прогулку ружей.

«Но вѣдь здѣсь опасно, здѣсь могутъ на васъ напасть курды!» и говорившій улыбнулся.

— Аллахъ баръ (Богъ есть), и, вѣдь, курды первые воины.

«Да какъ же вы не боитесь?!»

— Русскій человѣкъ ничего не боится.

Такіе доводы имъ очень понравились и, пожелавъ намъ успѣха въ пути, они ускакали. Подвигаясь далѣе, мы обратили вниманіе на высокую скалу впереди насъ, поднимающуюся какъ разъ посрединѣ ущелья. На вершинѣ этой скалы замѣтны развалины какой то постройки. Карта показываетъ эти развалины: «Кюлярютикъ». Проѣхавъ Кюлярютикъ, мы увидѣли второй блокгаузъ и невдалекѣ отъ него сдѣлали небольшой привалъ. По дорогѣ, со стороны Котура двигалось много курдовъ со стадами быковъ. Быки по большей части навьючены предметами курдскаго обихода: кошмами, грубыми шерстяными паласами коричневаго цвѣта, служащими для устройства палатокъ, и мѣшками съ мелкой утварью. Они останавливались, разговаривали съ нами, обращали вниманіе на наши офицерскія сѣдла, уздечки, на ковку лошадей и ни одной мелочи не упускали безъ вниманія. Женщины ихъ лица не прятали, какъ это принято у большинства мусульманъ и въ частности у персовъ, и одна женщина даже подѣхала, чтобы разсморгѣть насъ поближе. Всѣ курды удивлялись тому, что мы ѣдемъ безъ оружія и безъ всякаго конвоя. Въ 2½ часа мы проѣхали мимо сел. Зери, оставшагося отъ насъ влѣво, и въ 3½ прибыли въ сел. Махинъ, гдѣ рѣшили сдѣлать большой привалъ. Когда мы переѣхали на правый берегъ Котура и приблизились къ самому селенію, то много курдовъ вышло намъ навстрѣчу. Поздоровавшись, они пригласили насъ въ большой, конечно по ихнимъ понятіямъ, полутораэтажный домъ, весь бель-этажъ котораго состоитъ изъ одной комнаты шаговъ десять длины и шесть ширины. Весь полъ устланъ кошмами и паласами. Принесли подушки и мы усѣлись, подложивъ ихъ подъ спину. Прежде всего начались обыкновенные, глубоко-провинціальныя разспросы: кто вы, да откуда, да куда ѣдете и т. д.? Мы удовлетворяли ихъ любопытство и въ свою очередь разспрашивали: далеко ли отъ Махина до Котура, гдѣ находится Ахмедъ-ага-Котурскій, родной братъ Измаиль-аги, по прозвищу Симко, котурскаго губернатора и начальника всѣхъ Хайскихъ, Котурскихъ и Сомайскихъ курдовъ. Узнали, что отъ

Махина до Котура осталось полтора часа ѣзды и что Ахмедъ-ага въ самомъ Котурѣ. Здѣсь надо вторично отмѣтить вліяніе Турціи. Уже дорогу не мѣряютъ на агачи (6—7 версть), какъ во всемъ Азербайджанѣ, а часами; здороваются по турецки, и въ разговорѣ слышится много турецкихъ словъ. Намъ подали чай и ѣсть: роскошное кислое молоко, которому позавидоваль бы самъ Мечниковъ, яичницу въ маслѣ и чурекъ. Особенно понравилось намъ то, что все подавалось очень чисто, не такъ, какъ у персовъ. И молоку, и яичницѣ было оказано достоюдолжное вниманіе. Въ половинѣ пятого мы выѣхали далѣе. При отъѣздѣ мы хотѣли заплатить за то, что накормили насъ и нашихъ лошадей, но курды наотрѣзъ отказались. Изъ Махина съ нами выѣхали два курда: Садыкъ и Авды, люди Измаиль-ага. Они вначалѣ ѣхали съ нами и указывали дорогу, а потомъ взяли къ югу, направляясь въ сел. Аля-Сурышь, по направлешію къ Чиарику, резиденціи Измаила-аги-Симко. Въ 5 часовъ вечера мы проѣхали мимо селенія Гаваши-ашалы (нижнія), оставивъ въ полуверстѣ къ сѣверу Гаваши-юхары (верхнія), и стали ожидать скорого появленія Котура. Мѣстность значительно измѣнилась. По рѣкѣ уже не росло ни одного деревца, склоны стали мягче и покрылись зеленой травой, въ воздухѣ значительно похолодѣло: видимо, мы вступили въ Альпійскую область. Эта мѣстность имѣетъ большое сходство съ участкомъ Военно-Грузинской дороги отъ Крестоваго перевала и до станціи Гудауръ. Въ половинѣ шестого меня уже стало охватывать нетерпѣніе. Какъ же такъ: Афанасьевъ говорилъ, что мы будемъ ѣхать восемь часовъ, прошло десять съ половиной, а Котура все нѣтъ, да нѣтъ. Но вотъ долина стала постепенно расширяться, Котуръ разбился на много рукавовъ, и горы съ лѣвой стороны окончились.

— Да вотъ же и Котуръ! сказалъ радостно Терлецкій, указывая на послѣдній мысъ съ лѣвой стороны.

«Гдѣ?»

— Котуръ по ту сторону горы, черезъ четверть часа видно будетъ. Ровно въ шесть часовъ мы снова переѣхали на правый берегъ Котуръ-чая и подѣзжали къ маленькому курдскому селенію, раскинутому по скату холма. Дома или вѣрнѣе землянки курдовъ наполовину вырыты въ землѣ, верхняя же часть ихъ сложена изъ дикаго камня съ глиной. Такъ что вся постройка ихъ хозевамъ стоитъ недорого: приходится только доставать бревна для крыши, а все остальное подъ руками. Въ промежуткахъ между землянками и по дворамъ стоятъ высокіе конуса кизяка, служа-

шаго здѣсь топливомъ. На сѣверной окраинѣ селенія и на нѣсколько сажений по скату вверхъ стоитъ двухэтажный домъ Ахмедъ-аги. Это единственная постройка, напоминая собою домъ; крыша же, по обыкновенію, плоская.

Когда мы подъѣхали къ дому, то изъ него вышелъ молодой курдь лѣтъ 16—17 въ сопровожденіи нѣсколькихъ другихъ, его подчиненныхъ. Они взяли у насъ лошадей, а онъ, поздоровавшись съ нами, пригласилъ слѣдовать за собою. Первое, на что мы наткнулись, была старая мѣдная пушка, валявшаяся въ сѣняхъ въ пыли и мусорѣ. Налѣво было видно нижнее помѣщеніе, совершенно заброшенное. Поднявшись по глинобитной лѣстницѣ наверхъ, мы вошли въ большой залъ, длиною аршинъ 18 и шириною 9—10. Весь полъ его устланъ дивными, огромными коврами персидскаго производства, кототорымъ позавидовала бы любая петроградская гостиная. Такіе ковры называются Гиризь (по имени города, въ 65 верстахъ къ сѣв.-вост. отъ Тавриза) и Фараганъ. Стѣны голыя, пыльныя, нѣкоторыя стекла въ окнахъ выбиты, въ одномъ простѣнкѣ маленькій камелекъ, вотъ и все убранство зала. Вдоль стѣнъ сидѣло человѣкъ двадцать курдовъ, разговаривавшихъ между собою. При нашемъ появленіи всѣ встали и одинъ ихъ молодой, высокій, стройный, красивой упругой походкой пошелъ къ намъ навстрѣчу. Это и былъ Ахмедъ-ага, братъ Измаиль-ага Котурскаго. Онъ поздоровался съ нами за руку и вернувшись съ нами обратно къ своему мѣсту, прежде всего предложилъ намъ снять оружіе, а потомъ сѣсть. Оружіе забралъ его младшій братъ и унесъ въ свои апартаменты. Въ это время были принесены стулья. Чтобы не нарушать общаго тона мы отказались отъ стульевъ и усѣлись на матрацы, по здѣшнему душакъ. Здѣшніе матрацы очень хорошіе, мягкіе, широкіе, сверху обиты бархатомъ, покороче нашихъ. Садятся на нихъ ничего, не подстилая. Сзади насъ были положены огромные мутаки, и мы съ наслажденіемъ откинулись на нихъ. Тотчасъ же былъ поданъ чай, и пошли цвѣтистые восточные разговоры. Ахмедъ-ага сказалъ, что нашъ пріѣздъ для него рѣдкая честь, мы въ свою очередь не остались въ долгу и отвѣтили, что очень рады видѣть знаменитаго героя, отстаивающаго персидскую границу отъ турецкихъ притязаній. Ахмедъ-ага выразилъ удивленіе по поводу отсутствія конвоя и сказалъ, потому такъ и сильна Россія, что имѣетъ такихъ воиновъ. «Ну, ты видѣлъ Императора?» обратился онъ къ Терлецкому по-курдски.

-- Видѣлъ и даже говорилъ.

«А твой Императоръ молодой, вѣдь ему только 45 лѣтъ, не правда ли?»

— Правда. Но откуда ты знаешь, сколько лѣтъ русскому Императору?

«Да мнѣ было бы стыдно, если бы я этого не зналъ, вѣдь Императоръ дѣлаетъ намъ столько добра. Моему брату Измаилу-агѣ дать большой орденъ».

Правда, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ Измаиль-ага получилъ Станислава 2-й степени за свою преданность русскому правительству. Интересно знать, что отвѣтилъ бы нашъ сѣрый мужичекъ на вопросъ о лѣтахъ своего Государя. Чудно и въ тоже время пріятно было слышать разсужденія этого горнаго орла, окруженнаго своими подвластными соколами и коршунами, на тему о русской государственности. И когда успѣлъ этотъ сынъ скаль Котура и Чіарика (Чегрикъ-кала) познать вопросы политической важности?

«Ну, а у васъ въ Россіи много забыть (офицеровъ)?»

— Нѣтъ, не особенно, тысячъ пятьдесятъ наберется.

«Гм! пятьдесятъ тысячъ это не особенно. Во всей Персіи 50.000 солдатъ никогда не наберется, а то 50.000 офицеровъ». Онъ задумался надъ силой и могуществомъ Россіи.

«Ну, а какъ твои дѣла съ турками?» спросилъ его Терлецкій. Онъ усмѣхнулся.

— На дняхъ я охотился вблизи турецкихъ постовъ и видѣлъ ихняго забыть изъ Рази. Онъ спросилъ почему я съ ними всегда воюю и не живу въ ладахъ, между тѣмъ какъ я былъ бы у нихъ всегда желаннымъ гостемъ. Я ему сказалъ, что перестану воевать, если турки перестанутъ думать объ Азербайджанѣ. Послѣ этого мы разстались, а еще черезъ день они убили одного моего всадника.

«Такъ значить у дебя съ ними война?»

— Самая настоящая.

«И много здѣсь турокъ?»

— Въ Рази 60 человекъ, на каждомъ посту отъ пятидесяти до семидесяти человекъ, въ Сараѣ болѣе тысячи, а всего противъ моей границы болѣе тысячи пятисокъ аскеровъ.

«Ну, а у тебя много курдовъ?»

— Сто человекъ.

«Сто человекъ! и противъ столькихъ турокъ! и ты не боишься?!»

— Со своими ста всадниками я задержу здѣсь у Котура не

полторы, а двѣ, три тысячи. Вѣдь мнѣ и моимъ людямъ каждая горка, каждый камень знакомъ, а имъ откуда? И у меня мои аширетные (родовые) курды, которые куда угодно полѣзутъ, а у нихъ аскеры піада (пѣхота), у нихъ атъ іохъ (лошадей нѣтъ).

«Какъ? у нихъ совсѣмъ конныхъ нѣтъ?»

— Да, нѣтъ. Есть только отъ трехъ до четырехъ человекъ на каждомъ посту для посылки съ донесеніями.

«Почему же такъ много войскъ на персидской границѣ?»

— Да потому, что здѣсь близко стоятъ русскія войска, и теперь особенно замѣтно усиленіе турецкихъ войскъ, вслѣдствіе окончанія войны.

«Ну, а твой братъ Измаиль-ага въ Чіари-кала?»

— Да, онъ теперь сидитъ въ Чіари-кала и сторожитъ турокъ.

«Ну, а сколько всего можетъ выставить вооруженныхъ курдовъ Измаиль-ага вмѣстѣ съ тобою?»

— Болѣе тысячи человекъ.

Тысяча человекъ—цифра солидная, особенно для маленькаго пограничнаго аширета (племени). Разрѣшивъ политическіе и военные вопросы, мы стали бесѣдовать о курдахъ и ихъ адатахъ. Особенно понравилось намъ то, что всѣ люди Ахмедъ-аги свободно съ нимъ разговаривали, острили, смѣялись. Насколько я могъ замѣтить, эти дѣти горъ большіе шутники и о сплинѣ не имѣютъ понятія. Одинъ курдъ привлекъ наше вниманіе: лицо—копія Тараса Бульбы, сыві козацькі вусі (сѣдые казачьи усы), казацкая съ развальцемъ походка и пальто какого то иноземнаго покроя. Терлецкій спросилъ его, откуда онъ взялъ это пальто. Тотъ сказалъ, что оно османлы (турецкое), и сдѣлалъ выразительный жестъ, показывающій, какъ будто бы онъ цѣлится изъ ружья. «Османлы» и жестъ намъ объяснили все. Очевидно онъ убилъ турка и воспользовался его одеждой и оружіемъ.

— Да, способъ обмундированія очень удобный, но рискованный, сказалъ Терлецкій Ахмеду-агѣ. Тотъ разсмѣялся.

— Турки и курды охотятся другъ за другомъ, какъ за дикими козами.

Возлѣ «Тараса Бульбы» былъ еще другой интересный субъектъ—Багдадскій дервишъ, имѣющій молельню въ Ванѣ, какъ намъ объяснилъ Ахмедъ-ага. Изъ подъ бѣлой чалмы его ключьями висѣли коричневые, грязные, какъ сбившійся въ войлокъ собачій хвостъ, нечесанные волосы. Длинные волосы — принадлежность каждаго дервиша. На немъ была одѣта длинная бѣлая рубаха и

древнее, отъ солнца и вѣтровъ порыжѣвшее пальто. Глаза его выражали умъ, а лицо было очень выразительно. Терлецкій заговорилъ съ нимъ по-турецки—онъ отвѣтилъ. Терлецкій задалъ ему нѣсколько вопросовъ по-арабски, онъ тоже отвѣтилъ. Тогда Терлецкій рѣшилъ позондировать его по фарси и опять получилъ толковые литературные отвѣты. И кромѣ того дервишъ превосходно говорилъ по-курдски.

«Откуда ты знаешь столько языковъ?» спросилъ его Терлецкій.

— Выучился въ Багдадѣ и во время своихъ странствованій по Турціи; и дервишу необходимо знать много языковъ, это его сила!

«А зачѣмъ же ты попалъ въ Курдистанъ и Персію?»

— Да такъ. Просто захотѣлось пойти и пошелъ, быстро отвѣтилъ дервишъ съ натянутой улыбкой. Своимъ послѣднимъ вопросомъ Терлецкій засталъ его врасплохъ и началъ задавать ему другіе, еще болѣе строгіе вопросы касательно его дервишизма. Судя по его разговорамъ, жестамъ, мимикѣ, можно было съ увѣренностью сказать, что ему невесело приходится подъ добродушнымъ, но въ то же время и пытливымъ взоромъ такого опытнаго восточника, какъ Терлецкій. Хотя по всѣмъ внѣшнимъ признакамъ можно было безспорно сказать, что это дервишъ, но разговоръ выдавалъ въ немъ шпиона. У Ахмедъ-аги онъ былъ въ качествѣ гостя и, какъ гость, въ силу восточныхъ обычаевъ, свободенъ отъ всякихъ подозрѣній. Поэтому Терлецкій рѣшилъ не посвящать Ахмедъ-агу въ свое открытіе. Время летѣло незамѣтно за нашими разговорами, и я почувствовалъ, что сильно усталъ. Да и пора было устать: часы показывали безъ десяти минутъ одиннадцать. Я спросилъ Терлецкаго о времени ужина.

— О, чѣмъ выше чиномъ гость, тѣмъ позднѣе подаютъ ужинъ.

«Хорошо. Такъ долго держать впроголодь капитана съ поручикомъ, а генералу навѣрное дали бы ужинать на другой день?»

Терлецкій улыбнулся. Ахмедъ-ага, должно быть, замѣтилъ мою усталость и предложилъ ужинать. Мы любезно согласились и черезъ нѣсколько минутъ былъ поданъ ужинъ. Его подали сразу: на одномъ большомъ блюдѣ нѣсколько чашекъ съ разными кушаньями и неизмѣнное кислое молоко. Ужинъ былъ поданъ на всѣхъ. Около cadaго блюда садилось по 5—6 человекъ. Все было приготовлено очень чисто и вкусно. Особенно понравился намъ пловъ. Послѣ ужина былъ поданъ чай. Во время чая одинъ изъ курдовъ подошелъ ко мнѣ и сталъ присматриваться на мою спину. Повернувшись я увидѣлъ на стѣнѣ не далѣе 6 вершковъ отъ праваго

плеча—фалангу. Курдь преравнодушно раздавилъ ее спичечной коробкой и отошелъ. Что меня удивило—это присутствіе фаланги на такой высотѣ. Котуръ, по моему мнѣнію, лежитъ не ниже 6.500 футовъ. Казнь фаланги закончился вечеръ. Послѣ этого принесли одѣяла, подушки и приготовили намъ постели. Раздѣвшись, я съ наслажденіемъ улегся на мягкую постель и черезъ двѣ минуты уже ничего не видѣлъ и не слышалъ.

Проснулся въ 7 часовъ утра и сталъ наблюдать за пробужденіемъ дервиша и нѣсколькихъ курдовъ тѣлохранителей, спавшихъ отъ насъ шагахъ въ 10. Слуга, готовившій намъ вчера постель, подошелъ къ одному курду и далъ ему нѣсколько энергичныхъ пинковъ. Тотъ что-то промычалъ и даже не повернулся. Но будившій не унимался: онъ вскочилъ спящему на спину и подпрыгнулъ нѣсколько разъ. Тогда тотъ преспокойно повернулъ голову и сказалъ что-то, можетъ быть, даже и благодарность, Богъ его вѣдаетъ. Услышавъ ихъ голоса, поднялъ свою косматую голову и дервишъ, спавшій лицомъ книзу. Сперва онъ съ ними поговорилъ, а потомъ уже выльзъ изъ подъ одѣяла и сразу надѣлъ на голое тѣло свою сумасшедшую рубаху вмѣстѣ съ пальто. Увидѣвъ, что мы проснулись, слуга указалъ на разбуженнаго имъ курда и сообщилъ Терлецкому, что это бѣглый аскеръ изъ Муша. Мы имъ заинтересовались, и Терлецкій спросилъ: «Почему ты бѣжалъ съ военной службы?»

— Я курдь и турецкимъ солдатомъ быть не хочу!

«Почему?»

— Потому, что курды народъ самостоятельный и богатый. Самъ падишахъ посылалъ къ намъ своего пашу, и тотъ раздавалъ чины нашимъ агаларъ (господамъ). Этимъ онъ намекалъ на начало формировація курдскихъ полковъ Гамидіе, нынѣ именуемыхъ легкоконными племенными полками (аширеть-хафидь-сувареналайлары).

«Чему же ты научился на военной службѣ?»

— Гимнастикъ, ружейнымъ приемамъ и маршировкѣ.

«Покажи».

Сначала онъ показалъ приемъ нашей старой пассивной гимнастики «выбрасываніе рукъ впередъ, всторону, вверхъ и внизъ». Потомъ взялъ стоявшее въ углу ружье и, самъ себѣ подавая команды, исполнилъ приемы: «на плечо, на краулъ и подготовка къ выстрѣлу». Гимнастика ему, должно быть, не нравилась, такъ какъ дѣлалъ ее вяло, руки держалъ полусогнутыми и смѣялся; ружейные приемы исполнялъ отчетливо и съ серьезнымъ выраженіемъ лица.

«Яхчи аскеръ?» (хорошій солдатъ) спросилъ онъ.

— Чахъ якши, похвалилъ Терлецкій, и всѣ засмѣялись.

«Тарасъ Бульба» всталъ раньше всѣхъ и поддразнивалъ теперь аскера, попыхивая папироской изъ листового табаку. Какъ видно, онъ смѣялся надъ его гимнастикой и ружейными приѣмами. Въ половинѣ девятаго мы съ Терлецкимъ одѣлись и умылись. Въ девять вышелъ Ахмедъ-ага со своими братьями и свитой. Былъ поданъ завтракъ изъ молока и хлѣба, плюсь чай. Едва ли придется мнѣ еще попробовать такого молока. Оттого-то курды такіе красивые, стройные, выносливые и ловкіе, что мало ѣдятъ мяса, а по большей части вегетаріанствуютъ и ведутъ идеально трезвый образъ жизни. Послѣ фриштыка Ахмедъ-ага предложилъ намъ погулять и немножко «отаръ» (пострѣлять). Вышли на площадку передъ домомъ и тутъ Ахмедъ-ага показалъ намъ свое искусство. Въ пятнадцати шагахъ, на краю площадки была поставлена шляпкой на землю пустая гильза, и Ахмедъ-ага, перевернувъ винтовку затворомъ внизъ и поставивъ прикладъ надо лбомъ, выстрѣлилъ. Гильза описала дугу и упала въ нѣсколькихъ шагахъ. Ее отыскали и принесли: какъ разъ посрединѣ, съ обѣихъ сторонъ ея было два равныхъ отверстія: одно входное, другое выходное. Мы поразились. Чтобы доказать намъ, что это не случайность, Ахмедъ-ага выстрѣлилъ нѣсколько разъ и все съ одинаковымъ результатомъ. Послѣ него въ гильзу стрѣляли его младшіе братья и тоже попадали. Мы съ Терлецкимъ аплодировали: бьютъ гораздо лучше, чѣмъ у насъ на десять шаговъ дробинками. Ахмедъ-ага не успокоился и стрѣлялъ въ камни на 15 и 18 (1.500 и 1.800 ш.). Пули ложились идеально. Вотъ и необразованный курдъ; ни писать, ни читать не умѣетъ, а стрѣлять на Императорскій призъ можетъ свободно, хотя и не имѣетъ понятія о «Наставленіи для обученія стрѣльбѣ» и «Вѣстникѣ офицерской стрѣлковой школы». Что значить для него ружейный огонь противника, когда онъ показываетъ номера, передъ которыми цирковая стрѣльба—игрушка! И какъ восторженно смотрѣли всѣ курды на своего молодого предводителя! А про мальчишекъ и говорить нечего. Послѣ стрѣльбы мы услышали дѣтскій крикъ и плачь и обернулись. Сзади насъ дрались двое маленькихъ мальчиковъ, лѣтъ четырехъ каждый и дрались со злостью и упорствомъ. Причиною ссоры оказались стрѣляныя гильзы Ахмедъ-аги. Они подбирали ихъ и одинъ нѣсколько штукъ утаилъ, а другой это замѣтилъ: военныя дѣйствія и начались. Ну и воспитаніе, четырехлѣтній ребенокъ, не моргая, смотреть

на стрѣльбу и дерется изъ-за гильзъ! Какъ же имъ не быть воинами?! Мы съ Терлецкимъ обратили вниманіе на большое количество турецкихъ маузеровъ: пѣхотныхъ и кавалерійскихъ. Ахмедъ-ага сказалъ, что это все призы, снятые съ убитыхъ турецкихъ солдатъ. У младшаго брата Ахмедъ-аги былъ шикарный Маузеровскій карабинъ.

«И этотъ отнять у турокъ?»

— Ну, конечно.

Кромѣ Маузеровъ курды вооружены нашими 3-хъ-линейками и кое-кто старинными Верндля, или какъ они говорятъ «Варандиль». Я спросилъ откуда беретъ Ахмедъ-ага трехлинейки.

— Это фидайскія. Они вздумали было явиться къ намъ въ ущелье. Мы часть ихъ убили, оружіе отобрали у всѣхъ, а оставшихся въ живыхъ—прогнали. Съ тѣхъ поръ они къ намъ и не ходятъ.

Ерго: страхи хойскаго консула передъ фидаями совершенно напрасны. Окончивъ стрѣльбу, Ахмедъ-ага предложилъ пойти на другой берегъ рѣки и тамъ погулять. Мы отправились. Переправлялись поочереды на жеребцѣ Ахмедъ-аги. Ахмедъ-ага показалъ мнѣ рукою на горы, закрывавшія горизонтъ съ запада, и сказалъ одно лишь слово: «османъ». Я усумнился и тогда онъ предложилъ мнѣ 8 кратный Цейссовскій бинокль. У курда и—Цейссовскій бинокль. Я продолжалъ удивляться. Посмотрѣвъ въ бинокль на горы, я ясно различилъ на ихъ вершинахъ турецкихъ часовыхъ. Ахмедъ-ага сообщилъ мнѣ, что сторожевая служба у турокъ несется очень аккуратно, какъ днемъ, такъ и ночью. Въ это время къ намъ подъѣхалъ по дорогѣ съ турецкой стороны курдъ. Это оказался чело-вѣкъ Ахмедъ-аги, ѣздившій за покупками въ Рази.

— Турки уже знаютъ, что сюда пріѣхали въ гости русскіе, такъ какъ слышатъ стрѣльбу. Очевидно, что Ахмедъ-ага празднуетъ пріѣздъ своихъ гостей.

Отпустивъ пріѣзжаго, мы съ Ахмедъ-агой пошли смотрѣть его мельницу. Постройка обыкновеннаго персидскаго типа, жерновъ старенькій, плоховатый.

«Что же это, Ахмедъ-ага, спросилъ я его, жерновъ-то плохой? А, вѣдь, въ Персію изъ Россіи идутъ такіе хорошіе жернова. Можно было бы завести и здѣсь».

— Ты проѣхалъ и видѣлъ все Котурское ущелье, развѣ можно провести жерновъ?

Пришлось согласиться съ Ахмедъ-агой. Онъ правъ: Котурское

ущелье, дѣйствительно, настолько дикое, что совершенно непроходимо для колеснаго обоза, а, значить, и для полевой артилеріи. Наша горная артилерія и вьючные пулеметы могутъ пройти, но и то съ большими предосторожностями. Во многихъ мѣстахъ пришлось бы снимать вьюки, чтобы не цѣплять ими за края обрывовъ и не попортить матеріальной части. Но зато неудобопроходимость возмѣщается его стратегическимъ значеніемъ. Отъ Котура до Вана 14 часовъ ѣзды, по словамъ Ахмедъ-аги, ну, а, по нашему, значить, часовъ восемнадцать, отъ силы двадцать—два хорошихъ кавалерійскихъ прихода. Да и дорога тамъ гораздо лучше въ смыслѣ удобопроходимости.

— Очень много войскъ собирается теперь къ Серо и Барадосту, сообщилъ мнѣ Ахмедъ-ага, туда идутъ даже изъ южныхъ провинцій.

«Зачѣмъ?»

— Не знаю. Но о передвиженіяхъ турецкихъ войскъ мнѣ всегда своевременно доносятъ.

Серо—турецкій постъ, находящійся у персидской границы, вѣстакъ въ 40 къ сѣверо-западу отъ Урміи.

Подошелъ Терлецкій, и мы по берегу рѣки пошли обратно къ дому. Переправлялись на томъ же самомъ жеребцѣ. Въ 2 часа дня былъ поданъ обѣдъ. Меню то же, что было и къ ужину, только съ добавленіемъ супа.

Послѣ обѣда принесли... граммофонъ. Оказалось, что Ахмедъ-ага выписалъ его изъ Турціи. Воины курды хорошіе, но механики плохіе: трудно имъ обращаться съ такимъ нѣжнымъ инструментомъ, и граммофонъ Ахмедъ-аги пищалъ, хрипѣлъ и свистѣлъ одинаково съ часами Коробочки. Отъ 3¹/₂ до 4¹/₂ ч. Терлецкій былъ занятъ пополненіемъ своего курдскаго лексикона, а я сдѣлалъ наброски съ Ахмедъ-аги и его брата. Первый вышелъ удачно, а второй плохо, такъ какъ все время вертѣлся, и мнѣ было очень трудно схватить выраженіе лица. Затѣмъ Терлецкій распорядился, чтобы намъ осѣдлали лошадей, и мы стали собираться въ обратный путь. Еще четверть часа и мы разстались съ Котуромъ. Ахмедъ-ага со своимъ младшимъ братомъ и нѣсколькими домочадцами поѣхалъ насъ провожать; по дорогѣ стрѣлялъ, не слѣзая съ коня, и убилъ одного куличка. Мы торопились, да и кони понимали, что идутъ домой и немного горячились.

Проѣхавъ полчаса, Ахмедъ-ага остановился, и мы попрощались,

сердечно поблагодаривъ его за такое вниманіе къ намъ и за гостепріимство. Мой Арапъ хватилъ полнымъ карьеромъ, и минутъ черезъ десять мы были уже въ Гаваша-ашагы (нижнія Гаваша). Въ обратный путь Ахмедъ-ата побоялся пустить насъ однихъ и далъ двухъ конвойныхъ курдовъ. Рѣшили ночевать въ Зери. Терлецкій спросилъ одного курда—есть ли тамъ хорошая комната, чтобы можно было бы въ ней переночевать.

«Комната есть, но Ахмедъ-ага послалъ сѣно для вашихъ лошадей въ Махинъ, и тамъ есть тоже хорошая комната».

Поневоля пришлось останавливаться въ Махинѣ, хотя было еще свѣтло и мы могли бы свободно доѣхать до Зери. Въ Махинѣ встрѣтили шестерыхъ курдовъ подъ командою Мирзо, посланныхъ Исмаиль-агою за нами. Встрѣчные курды, попавшіеся намъ по дорогѣ въ Котуръ, рассказывали по своему прибытію въ Хой Исмаилу-агѣ, о томъ, что видѣли двухъ русскихъ офицеровъ, направлявшихся Котуръ. Того это такъ заинтересовало, что онъ позвалъ своего тѣлохранителя, вѣрнаго Мирзо, и велѣлъ ему на слѣдующій день быть въ Котурѣ. Но Мирзо не удалось насъ догнать, такъ какъ мы опередили его на цѣлыя сутки. Сидя за чаемъ въ той самой комнатѣ, въ которой уже отдыхали, направляясь въ Котуръ, мы слушали повѣтствованія Мирзо. Сегодня онъ доѣдетъ до Котура съ докладомъ Ахмедъ-агѣ, а завтра прибудетъ обратно въ Хой къ своему господину.

— Ты, Никуляй, скажи моему господину, что я исполнилъ его приказъ и въ одинъ день доѣхалъ до Котура. И скажи еще, что я не могъ васъ догнать, такъ какъ очень ужъ скоро вы ѣздите.

«Никуляй», т. е. Терлецкій согласился. Посидѣвъ еще минутъ двадцать, Мирзо уѣхалъ, и мы остались съ хозяевами дома. Такъ какъ было еще свѣтло, то рѣшили погулять по берегу рѣки. Съ нами пошло нѣсколько человѣкъ. Одинъ изъ нихъ назывался Назиръ, а другой Ибрагимъ-ага. Ибрагиму-агѣ можно было дать на видъ лѣтъ 45—46. Онъ былъ высокаго роста и крѣпкаго тѣлосложенія; замѣтно было, что это человѣкъ недюжинной силы. Когда же Терлецкій узналъ, что ему 68 лѣтъ, то пришлось поразиться тому, какъ сохранился этотъ человѣкъ. У насъ въ 68 лѣтъ дряхлый, беззубый старичекъ, а здѣсь—мужчина хоть куда. Вотъ гдѣ замѣтно вліяніе природы на человѣческій организмъ. Сколько разъ этотъ Ибрагимъ-ага дрался съ турками, гдѣ только ни охотился, куда только ни ѣздилъ по горамъ родного Курдистана, испытывая въ

пути всё неудобства, и такъ сохранился, что приходится только ему позавидовать.

— А ты совсѣмъ мальчикъ, сказалъ онъ Терлецкому, и въ свою очередь не повѣрилъ, когда Терлецкій сообщилъ ему свои капитанскія лѣта.

«Но, отчего же ты такой молодой?»

— Не знаю. Я много путешествовалъ, былъ въ Сиріи, Аравіи, Курдистанѣ, Месопотаміи и исколесилъ всю Европу.

«Вотъ, видишь какую большую пользу приносятъ путешествія!» наставительно сказалъ Ибрагимъ-ага своему спутнику.

Старикъ, самъ того не зная, сказалъ великую правду: дѣйствительно, какую нравственную пользу приносятъ путешествія. Солнышко уже сѣло, и стало очень холодно. Мы возвратились въ домъ, усѣлись за чай, и завязалась бесѣда. Что мнѣ особенно нравится въ курдахъ,—это полное отсутствіе скуки. Если только они свободны, то садятся въ кружокъ и сейчасъ же начинаются разговоры. Вообще всё восточные люди любятъ поговорить, но курды особенно. Какихъ только вопросовъ ни задавали они намъ. Особенно же интересовались географіей и статистикой Россіи. Когда я сказалъ имъ, что Петербургъ въ два раза болѣе Исламбула (Константинополя), то они выразили свое крайнее удивленіе. У каждого мусульманина есть убѣжденіе въ томъ, что самый большой городъ въ мірѣ—Ислам, булъ. Да это и просто: всё ихнія науки и искусства идутъ отсюда—главнымъ образомъ торговля. И вдругъ вѣрный мусульманинъ слышитъ о городѣ, превосходящемъ вѣнецъ его мечтаній.

«Ну, а у васъ поютъ пѣсни?» спросилъ Ибрагимъ-ага.

— Поютъ.

«У насъ тоже поютъ. Очень хорошо поетъ Назиръ».

Лестный отзывъ Ибрагима-аги насъ заинтересовалъ, и мы попросили Назира чтонибудь спѣть. Я съ удовольствіемъ слушалъ восточные мотивы. Назиръ оказался молодцомъ: онъ спѣлъ много курдскихъ пѣсенъ и закончилъ свой дебютъ арабскими мотивами. Это у нихъ считается особеннымъ шикомъ, такъ какъ арабскій языкъ—языкъ Пророка, и знать его—значить быть образованнымъ. Послѣ Назира я спѣлъ нѣсколько русскихъ пѣсенъ и романсовъ. Особенно понравились курдамъ: «Тамъ, гдѣ Крюковъ каналъ» и «Гайда, тройка».

Терлецкій подшутилъ:

«А вѣдь можно съ увѣренностью держать пари, что и стѣны, и жители этого дома впервые слушаютъ русскія пѣсни».

— Да, вы правы, я и самъ никогда не предполагалъ, что мнѣ придется дебютировать нередь курдами.

Въ это время подали ужинъ. Курды засучили свои маванди (рукава) и принялись за трапезу. Рукава курдскихъ рубашекъ особенныя, и на нихъ слѣдуетъ остановиться. Обшлагъ рукава удлиняется аршина на полтора, оканчиваясь клиномъ и плотно обматывается вокругъ запястья. Это дѣлается для того, чтобы во время верховой ѣзды на морозѣ не мерзли руки. Когда же садятся за ѣду, то концы эти разматываются и обвязываются у локтей или выше, кому какъ удобно. Во время стрѣльбы курды связываютъ и перекидываютъ ихъ за шею: получается родъ упора, облегчающій стрѣльбу, особенно съ коня. Такіе маванди мнѣ приходилось видѣть у Соуджъбулакскихъ и Миандоабскихъ курдовъ; должно быть, форма эта общепринята во всемъ Курдистанѣ. Послѣ ужина Терлецкій занялся пополненіемъ своего курдскаго словаря, причемъ я замѣтилъ, что многія курдскія слова сходны съ русскими по смыслу и произношенію, такъ: жена—жинъ, ухо—го, хлѣбъ—лебъ и т. д. Какую они связь имѣютъ съ русскимъ языкомъ, сказать трудно. Курды удивлялись вмѣстѣ съ нами такому странному совпаденію. Поговоривъ еще немного, мы стали укладываться спать. Одинъ изъ курдовъ принесъ колючекъ и сталъ ими растапливать жестяную печь... Колючки быстро прогорѣли, не давъ ни одной калоріи тепла, такъ какъ во всѣхъ окнахъ стекла отсутствовали, а въ нѣкоторыхъ даже не было и рамъ. Въ противовѣсъ ночному холоду пришлось сверхъ одѣяла положить бурку. Заснулъ я очень быстро и только въ половинѣ шестого проснулся, услышавъ голосъ Ибрагима-аги. Въ четверть восьмого мы выѣхали изъ Махина, черезъ сорокъ минутъ проскакали мимо Зери и въ половинѣ девятаго были уже у Кюлярютика.

Утро было роскошное, кони шли великолѣпно, и мы съ Терлецкимъ были въ восторгѣ. Остановились у подножія Кюлярютика и я зарисовалъ эту рѣдкостную крѣпость.

Великій поэтъ дивно-сказочно описалъ небольшой утесъ Тагаурскаго ущелья, древняго Дифіодориса (Дарьяльскаго). Если онъ такъ запечатлѣлъ въ своихъ безсмертныхъ строкахъ замокъ царицы Тамары, то чтобы онъ сказалъ, увидѣвъ Кюлярютикъ? Тамъ ѣдешь по шикарному шоссе, про которое Императоръ Николай Павловичъ сказалъ, что оно стоитъ столько, сколько на немъ уложится имперіаловъ. А здѣсь приходится пробираться по тропинкѣ, ри-

скаю ежеминутно сорваться и полетѣть въ безумно-дикій и бушующій Котуръ. Тутъ то и приходится испытывать истинное удовольствіе, любуясь и наслаждаясь красотами природы. Только это удовольствіе добывается трудной работой коня и всадника. Пишутъ, что кони Пинерольской кавалерійской школы отлично работаютъ: офицеры этого добиваются, пользуясь отрогами Альпъ. Что пришлось бы сказать имъ, проѣхавъ Котурское ущелье, гдѣ о дорогѣ не можетъ быть и рѣчи. У западнаго склона скалъ Кюлярютика вытекаетъ теплый минеральный источникъ. Резервуаръ обдѣланъ камнями, и къ нему ведетъ тропинка. Терлецкій хотѣлъ было искупаться, но курды отсовѣтовали, сказавъ, что послѣ купанья сильно чешется тѣло. Качества воды его я опредѣлить къ сожалѣнію не могъ, такъ какъ въ этомъ ровно ничего не понимаю. Минеральные источники вообще въ горахъ не рѣдкость.

Въ своихъ поѣздкахъ по Кавказу, гдѣ только ни приходилось на нихъ наталкиваться. Здѣсь тоже приходится слышать о многихъ минеральныхъ источникахъ, обладающихъ цѣлебными свойствами. За Кюлярютикомъ намъ пришлось немного задержаться, вслѣдствіе слишкомъ опасной дороги, идущей непосредственно по скалѣ. Проѣхавъ это мѣсто, мы опять поскакали. По дорогѣ мы обращали вниманіе на огромныхъ ящерицъ коричневаго, желтаго и зеленаго цвѣтовъ. Терлецкій въ шутку назвалъ ихъ крокодилами. Въ 11 часовъ утра мы проскакали мимо Караванъ-сарая Ширъ-бекъ и въ 1 часъ дня разстались съ объятіями могучаго и страшнаго Котура. Въ Рехалѣ сдѣлали у Афанасьева большой приваль до 3 ч. дня, а въ 5 ч. были уже у себя въ Хоѣ. Такъ окончилась наша поѣздка.

Въ отсутствіи я пробылъ трое сутокъ и сколько интереснаго и новаго узналъ и увидѣлъ за этотъ короткій срокъ! Слѣдовало бы направить въ Котуръ полевая поѣздки, чтобы хорошо узнать и сумѣть воспользоваться этимъ ключемъ русскаго владычества въ Персіи, могущимъ сыграть роль Карса или Эрзерума въ исторіи будущаго нашей великой родины.

Б. Помашевичъ.

